
ГУБЕРНСКІЙ ДЕТЕКТИВЪ

**Читайте романы
Юлии Нелидовой
в серии «Губернский детектив»:**

Дело о бюловском звере

Тайна «Железной дамы»

Секрет индийского медиума

Дело о сорока разбойниках

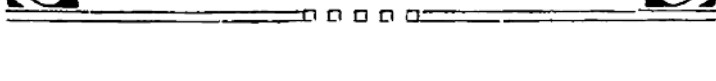

**Ю Л И Я
НЕЛИДОВА**

**ДЕЛО
О СОРОКА
РАЗБОЙНИКАХ**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
Н49

Оформление серии *Сергея Курбатова*

Нелидова, Юлия.

Н49 Дело о сорока разбойниках : [роман] / Юлия Нелидова. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Губернский детектив. Романы Юлии Нелидовой).

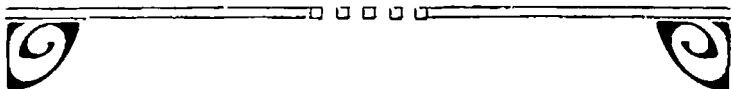
ISBN 978-5-04-094729-4

1892 год. Земского врача Ивана Иноземцева направляют в столицу Туркестанского генерал-губернаторства — Ташкент. Но добраться до нового места службы Иноземцеву не удастся: его похищает шайка разбойников во главе с коварным басмачом Юлбарсом, приручившим настоящего тигра. По всему краю ходят слухи и легенды о набегах банды Юлбарса. Он жесток и безжалостен, умен и необычайно хитер, так зачем же ему среди оазисов и миражей пустыни понадобился обычный земский врач Иван Иноземцев? И как теперь ему справиться с новой напастью — эпидемией холеры, которая преследует местных жителей?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094729-4

© Нелидова Ю., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Глава I

Призраки пустыни

1890 г.

Иван Несторович Иноземцев ступил на пирс. Но вдруг закачало.

«Нет, нет, не сейчас. Молчи, совесть, уймись. Несколько шагов и — палуба...»

Большие надежды он возлагал, большие чаяния, что совесть голоса не подаст, молчать будет хотя бы еще день-другой, думал, поспеет на пароход трансатлантической компании «Гамбург — Америка — Лайн». Переболел бы тогда посреди океана, пережил угрызения совести вместе с качкой, похоронил бы невзгоды и неудачи в пене морской. Началась бы тогда жизнь новая на неведомых землях, заокеанских, в Нью-Йорке, с чистого листа бы началась. Но эйфория торжества прошла, подобно действию наркотика. Мысль «что же я делаю?» пронзила голову, а горькое чувство стыда — сердце.

«Каким же я монстром стал! — подумал доктор, побелев. — Неужто эта ведьма, Ульянка, над моими помыслами столь сильной властью обладала, что я, лишившись рассудка, таким же, как она, сделался: позволил себе едва ль не убийство, кражу, подлог, ложь, а теперь и бегство. Позорное бегство? От имени своего отрекусь, от суда скрываться стану? Нет, нет и нет! Иван Несторович честным на свет родился, честным жил и честным помрет. Пусть же справедливое нака-

зание, а не побег за океан изгонит из моей души дьявола и от помутнения излечит разум»¹.

Снял билет и зашвырнул его в воду, совершенно не заметив, что тотчас же за клочком бумаги бросились несколько охотников переплыть океан зайцем. Туда же полетел саквояж с семью миллионами франков, что он получил с продажи поместья в Берри, жалованный ему Лессепсами и который, как он считал, никогда ему не принадлежал и принадлежать не мог. Замки в воздухе щелкнули, саквояж хлопнул аки крыльями птица, и поплыли над синими просторами французские франки, точно листья осенние. Толпа ахнула, тотчас обступила странного господина, вдруг решившего не покидать берега столь оригинальным способом, а следом разомкнулась — к нему подошли двое полицейских, осведомиться, в чем дело.

— Проводите меня в русское консульство.

Третьего февраля 1890 года должен был отчалить Иван Несторович Иноземцев от берегов Европы на белом гиганте «Фюрст Бисмарк», но вместо этого Иван Несторович Иноземцев предпочел Голгофу. И начался крестный путь непутевого русского доктора по полицейским участкам, судебным инстанциям, тюрьмам и прочим богом заброшенным местам, сначала германским, потом и российским. Весь мир сотрясся от ужасных сенсационных подробностей похождения Элен Бюлов и влюбленного в нее доктора. Бюловское дело вновь подняли из архивов, оно было пополнено удивительными и неожиданными подробностями². Иноземцев не жалел ни себя, ни ее, всю правду как есть поведал, всю суть изворотливой аферистики внутреннюю непостижимую простому человеку выдал.

¹ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Секрет индийского медиума» (Издательство «Эксмо»).

² Читайте об этом в романах Ю. Нелидовой «Дело о Бюловском звере», «Тайна железной дамы» и «Секрет индийского медиума» (Издательство «Эксмо»).

В историю эту было трудно поверить.

Иные прочили Иноземцеву расстрел, другие жалели, третьи обещали, что снова все обойдется желтым домом, четвертые рвались разжиться скандальными нюансами — всяческие журналисты да модные биографы брали приступом тюремный экипаж, в котором с конвоем передвигался горе-бретер, толпились на широких ступенях здания суда в Берлине, следовали за ним длинной хвостатой змеей из тюрьмы в тюрьму, все щелкали, щелкали на свои фотографические аппараты.

Были у Иноземцева и защитники, были и обвинители. Горячо спорили: героем величали, и идиотом, и пешкой чьей-то, тех же масонов, и даже политическим аферистом, устроившим столь масштабный скандал ради какой-то тайной революционной цели.

И ни тюремное заключение Иноземцева не пугало, ни сроки, что суда прочили, ни даже казнь. Воцарились отныне в душе его покой и полное безразличие — все, чего ему столь сердечно желалось, сбылось — наконец об Элен Бюлов заговорили всерьез и поисками авантюристки занялись крепко, бросили на ее поимку самые передовые сыскные силы Европы. Закрывать глаза на шкодницу теперь представлялось совершенно невозможным, уж слишком громко заявила она о себе в последний раз. Шантажировать русского посла в Париже, мелькнуть в числе революционеров, змеей вползти в редакцию газеты нещадного блюстителя порядка германского канцлера — это вам не водяного изображать в бюловском болоте.

С фармацевтическими компаниями тоже все вышло гораздо благополучнее, нежели ожидалось, подверглись господа барменские предприниматели тщательной ревизии, выпускаемые лекарства — тщательной проверке. Да и патент на новоизобретенные медикаменты получить теперь было не столь легко — образовались специальные надзорные комитеты по контролю над выпускаемой про-

дукцией фармацевтической промышленностью. Иноземцев не смог доказать свою причастность к изобретению «ахиллинина», но «Фабену» пришлось отложить выпуск «средства от кашля» на самую дальнюю полку. Репутацию русский доктор им сильно подпортил.

Следом еще одна добрая весть донеслась — вышла первая, долгожданная статья о поимке Элен Бюлов. Иноземцев в манере Герши газетный лист вырезал с ее фотографией, где вели ее двое парижских полицейских, в нагрудном кармане хранил, любовался ее недовольной гримаской. А схватили ее во Франции, когда она, воспользовавшись фальшивым паспортом, прибыла в Париж. Герр Кёлер, фальшивомонетчик благодаря Иноземцеву тоже был все-таки взят, и информацией обо всех именах, что располагала Ульяна, полиция владела. Но девушка ускользнула, взобравшись на трехсотметровую башню Эйфеля, а потом смешалась, видать, с толпой. Об этом сообщил следующий номер «Петербургских ведомостей». Тогда уже Иван Несторович в Россию вернулся.

Спустя несколько месяцев газеты разродились сенсацией о том, что неуловимая мадемуазель Бюлов поймана в Бармене. Но неделей позже появилась еще одна заметка об Ульяне — она бежала, когда ее перевозили из тюрьмы Дюссельдорфа в Берлин, — воспользовалась дымовой гранатой. Авантюристке помог кто-то из тюремных чиновников, которому она наобещала несметных сокровищ. В третий раз ее в Т-ской губернии выследили — то был уже конец августа — во время сделки с американским миллионщиком, она пыталась продать ему бюловскую усадьбу. Но поймать ее не удалось, исчезла, по своему обыкновению, будто растворившись в воздухе.

Иноземцев без капли сострадания следил за ходом ее приключений, неизменно красовавшихся на первых полосах всевозможных газетных изданий, вырезал статьи, ими камеру свою обклеивал. А потом сорвал со стен все

листы, смял, выкинул и больше газет у милостивых своих тюремщиков не выпрашивал. И радовался внутренне, что Элен Бюлов самого его теперь не достанет, ибо хранили доктора надежно решетки и замки Александровской центральной пересыльной тюрьмы, где он провел в качестве ссыльнопоселенца целый год под ярлыком «бессрочник» в ожидании отправки в Иркутскую губернию, на каменноугольные копи. В одиночной камере, где его не потревожил бы и сам дьявол. Только никто здесь не стерег с такой строгостью, как в больнице Святого Николая, разрешалось гулять по коридорам и даже во дворе, разговаривать с чиновниками, охраной, с другими заключенными, среди коих было много людей большого ума, талантливых ученых и писателей, словом и делом нена роком нарушивших букву закона.

Ни с кем бесед доктор не вел, ни с кем не знался. С тех пор как статьи об Ульяне в клочья разорвал, спал сутками напролет, с утра до ночи, в обнимку с бутылкой бромкамфары, выписанной ему тюремным врачом. До того крепко, что порой его принимали за мертвеца. Было дело, добудиться не могли, приходилось бить тревогу на весь централ, нашатырем отхаживать. Но тот, с десятого раза учуяв запах аммиака, сонно отмахивался, на другой бок поворачивал и снова засыпал. Вот что с человеком нервное напряжение сделало. Никому неведомо было, что бедный Иван Несторович мечтал о такой жизни несколько лет кряду, о полном и абсолютном беспамятстве мечтал. С сочувственным придыханием о нем шептались, мол, постигла его самая из страшных напастей во всем свете, какие могут случиться с мужчиной — испортила ему жизнь женщина.

Так и прожил до начала 1892 года.

Вскоре бромкамфара спасать перестала, сном забывать, как прежде, не удавалось больше. Выспался Иван Несторович на всю жизнь. Со сладкой истомой вспоминалось

об Обуховской больнице, о парижской лаборатории. Стали мысли посещать о том, как замечательно было бы опять вернуться к врачебной практике, экспериментам, к неисследованному в Бармене ахиллину. Интересовался у начальника тюрьмы, нет ли для него какого дела.

Нежданно-негаданно ранней весной вдруг пришло письмо из Петербурга. Много раз пересматривали дело Иноземцева, много споров было. Его императорское величество царь Александр лично бюловским происшествием интересовался, уж больно шумное оно было. Долго думал, в чем вина Ивана Несторовича. Не отчаяние ли толкнуло его на погибельный путь, не напутали ли чего в очередной раз чиновники? Взвесил все заслуги заключенного. А был Иноземцев не только хирургом, фармацевтом, но и ценным специалистом по вакцинации от бешенства. Вспомнил государь и то, что с повинной доктор сам явился да и следствию оказал колоссальную помощь — столько жуликов, Ульянке пособлявших, поймано было. Распорядился государь-император в итоге судьбой бедового доктора с царским великодушием, заменив место ссылки с морозных сибирских краев на жаркие пустынные каракумы, где доктора в большом спросе были.

Но какую-то уж больно фантастическую форму приняло его помилование. Иноземцева ждала каторга. Но вдруг вернули свободу, обещали жаловать мундир военного врача, посулили назначение старшим врачом хирургического отделения в военном госпитале Ташкента — столицы Туркестанского генерал-губернаторства, ежели спешно и по доброй воле подпишет согласие на сие назначение.

— Будете от оспы прививать, да гигиене местное население обучать, поможете организовать городскому врачу пастеровскую станцию, — заявили петербургские чиновники.

Отчего не подписать? Иноземцев с радостью согласился, по самой что ни на есть доброй воле, как было прошено господами прибывшими за ним полицейскими чинов-

никами. Старшим ординатором прочили, в столичном госпитале, да еще и военном.

Оказалось, не многие доктора, окончившие Императорскую военно-медицинскую академию да получившие военно-врачебное образование, желали в Туркестанское генерал-губернаторство ехать. Мол, климат там не из самых приятных, да и туземцы нрава бойкого. Как Иноземцеву разъяснили, был во всем городе Ташкенте на сотни-сячное население один-единственный врач, который и тюремным врачом числился, и городским, и аптекарем, и судебным экспертом и аж прозектором. Не справлялся благородных уфимских кровей шестидесятилетний статский советник Батыршин Мухаммад-Ханафия Алюкович, устал от службы, просил прислать молодого врача, достойную себе замену. А тут еще приступили к строительству новой городской больницы на семьсот пятьдесят коек, как ему все успеть, ежели персоналом у него одна повивальная бабка значилась да два фельдшера.

Иноземцеву такой поворот судьбы был, что манна небесная — да хоть на самый край света пусть отправляют, лишь не забыть, как бистури да скальпели в руках держать и чтоб лаборатория была, и подальше от госпожи Бюлов. Все! Ничего более не надобно. Рай, да и только.

Но ждал Ивана Несторовича нехороший сюрприз — прибыл он в Ташкент в самый разгар холерной эпидемии. Опять обманули чиновники подлые, на верную смерть отправили, каторжные работы казнью подменили, о чем он с простодушной доверчивостью не посмел и помыслить. Только отправил главный врач Ташкента депешу об очередном случае холеры, так стали господа чиновники искать незадачливых простачков, которых можно было направить с этой болезнью разбираться. А тут им Иноземцев подвернулся.

Прибыть-то он прибыл, да только припоздал на несколько месяцев, ибо случилось с ним по дороге самое настоящее восточное приключение.

Все, как, впрочем, и всегда, замечательно начиналось.

В новенькой форме военного врача Русской императорской армии, которая удивительно была ему к лицу: белый китель с докторскими погонами и форменная фуражка с кокардой на околыше, черные шаровары с алой выпушкой и начищенные до блеска сапоги, покинул Иноземцев Петербург. Отправился до берегов Каспия, пересек море яликом — парохода ждать пришлось бы трое суток, не хотел опоздать ко дню отправки поезда, который лишь дважды в неделю отходил от станции. Меж путешествием по морю и ожиданием в Узун-Аде, первое выбрал по совету бывалых путешественников из Красноводска — дни стояли солнечные, море было спокойное.

Обошлось без шторма, причалил в Михайловском заливе, в бухте Узун-Ада.

Вокруг тишина, не в пример Баку и Красноводску, которые были изуродованы, по мнению Иноземцева, европейской суетностью. На всю станцию, совершенно не в восточном стиле построенную, со зданием, больше походящим на пряничную избушку с сахарными ставенками, правда, сильно на солнце выгоревшую, один начальник, который своих покоев не покидал без особой надобности, контролер, сонно зевнувший в ответ на протянутый билет Иноземцевым, да сторож с ружьем тоже сонный. Быть может, был здесь какой-никакой гарнизон, может, и народу в иные дни набиралось поболее, но в день приезда Иноземцева, на его удачу, никого из попутчиков да и вокруг тоже не оказалось — лишь желтый песок, крытые навесами тюки с прошлогодним хлопком, пирамиды ящиков, паутина железнодорожных путей, вой ветра, точно кто в пустой бочонок дудел, шум волн, на волнах покачиваются рыбацкие суденышки, да сухие доски причалов поскрипывают — сказка после иркутского заключения — тогда ведь все только и норовили, что под кожу залезть. А тут — и поговорить то не с кем. Умиротворяющее безлюдье.

Иноземцев повел взглядом вокруг, глубоко вдохнул. О этот дивный запах пустыни!

Потом, правда, появились двое купцов-бакинцев с десятком чернорабочих, которых они величали «персюками». Бакинцы были одеты в сюртуки и немного изъяснялись по-русски, стрекотали без умолку. Только речь их оказалась мало понятной. Знай себе, кивай, да нет-нет порадуй собеседников полуулыбкой.

«Ничего, — успокаивал себя Иноземцев, поглаживая саквояж, где хоронились несколько томиков Омара Хайяма, Навои и очень редкий перевод Васифи, — чем дальше в пустыню, тем меньше людей будет встречать».

Да и слова здесь точно в воздухе растворялись. Сквозь уши слушал последние новости здешних краев: о торговле, о разбойных набегах басмачей, которые распугали всех путешествующих, о прекрасном городе Асхабаде, где ткут самые лучшие ковры во всем Закаспии, а сам глядел вдаль, на то, как ветер песчаными барханами играет, и улыбался внутренней безмятежности. Словно попал в родные края, давным-давно им покинутые, словно шел сюда всю свою жизнь и наконец вернулся. Выиграли в Иване Несторовиче персидские корни, зов предков стал оглушающей песней, ласкающей душу и сердце...

Наконец дождался отправки поезда: товаро-пассажирского, чай, не барин, устроился в вагоне третьего класса — спартанского, без буфета и кровати, зато один на весь вагон, ибо людей отчаянных, готовых отдать пескам во власть, не столь много нашлось в тот день — ни одного. Лишь в товарных вагонах ехали по три бравых солдата в белых кителях и малиновых шароварах, с ружьями, как полагается. Ибо товара было из Баку, из Асхабада довольно — до потолка всяких ящиков, тюков да свертков: возили сахар, хлеб, консервы, вяленое мясо, да и ткани, ковры, посуду.

Хоть поезд и стоял полдня в ожидании, но к урочному часу так к Иноземцеву из пассажиров никто и не присо-

единился. Купцы же с помощью команды туземцев в грязных халатах и с черными лицами приступили к погрузке своего ялика хлопком, уже полгода здесь отчего-то хранившимся, помахав на прощание русскому доктору.

— Храни вас бог от коварного Юлбарса, — сказал один из них.

Иван Несторович и не расслышал поначалу этих предостерегающих слов, да и сказанных с чудовищным акцентом, откинулся на спинку деревянной скамьи, приготовившись к знакомству с таинственным Востоком, владениями легендарного Чингисхана да Тамерлана, где бравые джигиты в мохнатых шапках машут кривыми саблями да по пескам-барханам под жарким солнцем скачут на длинноногих текинских жеребцах, покрытых богатой попоной и в богатой упряжи, где обитают загадочные, прекрасные пери¹ и грозные дивы-великаны² в таинственных пещерах, полных несметных сокровищ, открывающихся заветным заклинанием «сим-сим».

Тайно лелеял надежду Иван Несторович, по ребячьей наивности до сих пор не изжившей себя, попасть в сказку «Тысячи и одной ночи», повстречать Али-Бабу с Синбадом, во дворцах великих падишахов побывать, повстречать мудрецов под стать Омару Хайяму, увидеть пери, волшебную птицу Симург³.

Мечтал попасть в сказку, а прибыл на станцию Кызыл-Арват и понял, что из всего, что навоображал себе, пока солнце да песок его встречают и глинобитные квадратные домишки в окружении причудливо изогнутых саксаулов. Эти странные невысокие деревца, точно злые духи пустыни, которых застало солнце врасплох и испепелило в мину-

¹ Пери — добрый дух в образе прекрасной крылатой женщины (*перс.*).

² Дивы — чудовища (*перс.*)

³ Симург — волшебная птица (*перс.*)

ту смертельной агонии, росли повсюду вдоль железнодорожной насыпи, корнями поддерживая платформу. Порой проезжали и караулки-казармы, казалось необитаемые, — без окон и дверей: квадратные песчаные коробки с плоскими кровлями. Строить здесь что-либо было попросту невозможно — песок норovil просочиться во все щели, и от него старательно прятались, как могли.

Иноземцев с ужасом заметил это через час пути, когда с его фуражки стали стекать струйки неведомо откуда взявшегося песка, слой его покрывал пол в вагоне и наличники окон, а потом песок стал хрустеть и на зубах. Поезд с шумным грохотом катился по рельсам, поднимая целое облако пыли, так что в окне ничего было не разглядеть.

Не ведал Иван Несторович, что сия печальная и однообразная картина всего лишь прелюдия, всего лишь карикатура, пародия на те страшные приключения, что его ждали впереди. Даже на мгновение приуныл от неясного предчувствия. Песок, песок, песок, желто-серый цвет — будто сон без сновидений.

«Ничего, — принимался он себя успокаивать, — скоро будут и оазисы». Доставал «Жемчужные истории» Васи-фи, погружался в мир прошлого, мир чудесного, сказочного Востока, другого Востока — с журчащими фонтанами, голубыми куполами, белыми дворцами и прекрасными пери...

А потом и вправду пустыня оживилась, местами милостивая природа окропила ее зеленым невысоким кустарником, стали появляться признаки жизни — аулы с крытыми войлоком кибитками, похожими на шатры или юрты, развалины крепостей, русла речушек или каналов, а станции выглядели поприглядней — иной раз фонтан бил перед зданием, и сады росли, если не сады, то виноградники, если не виноградники, то темные пятна-борозды привезенного чернозема возрождали надежду на будущие насаждения.